

МЕТОДЫ И МЕТОДОЛОГИЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.4.01

Правильная ссылка на статью:

Веселкова Н. В., Вандышев М. Н., Прямикова Е. В. Пешеходное интервью: структура и жанры // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 4—21. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.01>.

For citation:

Veselkova N. V., Vandyshev M. N., Pryamikova E. V. (2019) “Go-along” interview: its structure and genres. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 4—21. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.01>.

Н. В. Веселкова, М. Н. Вандышев, Е. В. Прямикова ПЕШЕХОДНОЕ ИНТЕРВЬЮ: СТРУКТУРА И ЖАНРЫ

ПЕШЕХОДНОЕ ИНТЕРВЬЮ: СТРУКТУРА И ЖАНРЫ

ВЕСЕЛКОВА Наталья Вадимовна — кандидат социологических наук, доцент, кафедра прикладной социологии, департамент политологии и социологии, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
E-MAIL: vesselkova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0855-8901>

ВАНДЫШЕВ Михаил Николаевич — кандидат социологических наук, доцент, кафедра прикладной социологии, департамент политологии и социологии, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
E-MAIL: m.n.vandyshev@urfu.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9344-4185>

“GO-ALONG” INTERVIEW: ITS STRUCTURE AND GENRES

Natalia V. VESELKOVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Chair of Applied Sociology, Department of Political Science and Sociology
E-MAIL: vesselkova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0855-8901>

Mikhail N. VANDYSHEV¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Chair of Applied Sociology, Department of Political Science and Sociology
E-MAIL: m.n.vandyshev@urfu.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9344-4185>

¹ Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

ПРЯМИКОВА Елена Викторовна — доктор социологических наук, зав. кафедрой философии, социологии и культурологии, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
E-MAIL: pryamikova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6783-008X>

Elena V. PRYAMIKOVA² — PhD in Social Sciences, Head of Chair of Philosophy, Sociology and Cultural Studies
E-MAIL: pryamikova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6783-008X>

² Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia

Аннотация. На материале трех исследовательских проектов анализируется опыт применения go-along интервью в открытых и закрытых пространствах. Предлагается детализированная структура маршрутов go-along: начальная точка и следующий за ней пункт, состоявшиеся и несостоявшиеся дестинации, проходные места, конечный пункт. Четыре жанра go-along выделяются на пересечении, во-первых, города-для-других и города-для-себя, во-вторых — движения outdoor и indoor, а именно: «биографическое go-along», «экскурсия по городу», «экскурсия по музею», «антиэкскурсия по музею».

Ключевые слова: маршрут интервью, пространство, город, музей, go-along

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований, проект 18-011-00456 А «Масштабирование социальной памяти поколений в городах «старой» и «новой» индустриальности».

Abstract. Based on three different research projects the article analyzes the use of outdoor and indoor go-along interviewing. A detailed structure of go-along routes is considered (starting point and next point, completed and failed destinations, pass-by places, end point). Four genres of go-along interviews are singled out at the intersection of, firstly, the “city-for-others” and the “city-for-myself” and, secondly, outdoor and indoor movement. These genres are biographical go-along interview, city walking tour, museum tour, and museum anti-tour.

Keywords: interview route, space, city, museum, go-along

Acknowledgments. The article is financed by Russian Foundation for Basic Research (project 18-011-00456 A “Scaling generational social memory in the cities of “old” and “new” industrialism”).

Применение мобильного интервью настолько заразительно, что после него обычные «сидячие» разговоры кажутся скучноватыми, в них явно чего-то не хватает. Мы апробировали метод go-along при изучении молодых городов и вернулись к нему в текущем проекте по социальной памяти, материалы эти двух исследований, а также проекта Д. Костиной и И. Кудрявцевой «Музей: включенное наблюдение» (МВН)¹, составляют эмпирическую базу настоящей статьи. Цель статьи состоит в том, чтобы систематизировать представления о go-along интервью и внести вклад в его методологию, во-первых, через определение различий с такими близкими методами, как «следование тенью» и «биографическая прогулка», во-вторых, через обоснование различия жанров и структурных особенностей go-along.

Статья начинается с постановки проблемы — раздела, где заявлена эвристичность содержательного вовлечения пространства и движения в процесс интервью. Далее применительно к открытым и закрытым пространствам анализируется структура маршрута (начальная точка и следующий за ней пункт, состоявшиеся и несостоявшиеся дестинации, проходные места и конечный пункт). Трактовка информантами пространства как существующего скорее для-других или скорее для-себя, а также сам его характер, outdoor или indoor, положены в основание типологии жанров go-alongs, которая представлена в следующем разделе. Наконец, последний перед заключением параграф проблематизирует соотношение рассказа и показа через обсуждение эффекта расширения пространства и времени в go-alongs и выделение основных разновидностей рассогласования.

Детальное описание go-along представляет интерес для тех, кто подбирает решения для методического дизайна исследования, направленного на выявление опыта пространства изучаемых людей, будь то опыт открытого пространства какого-то поселения, закрытого пространства музея или какого-то другого заведения. Предпринятая попытка методологического осмысления go-along адресована также практикующим интервьюерам, специалистам по методу интервью и мобильных методам.

Интервью, наблюдение и движение: постановка проблемы

В обычном смысле интервью — это рассказ информанта, в какой-то степени направляемый интервьюером. Оно происходит в одном месте, особенности которого редко используются в ходе анализа данных, если соблюдены необходимые требования. К ним относят отсутствие третьих лиц, шума, других отвлекающих факторов. Все это учитывается при планировании и организации интервью, когда принимают решение, будет ли встреча проходить на территории информантов или исследователей, конкретно когда и где и т. п.

Вместе с тем взаимодействие лицом к лицу всегда включает элементы наблюдения: интервьюер следит за невербаликой собеседника, его реакцией на окружающую обстановку, а попадая на территорию информанта, сам знакомится с окружением. Целенаправленно эта информация используется только

¹ В исследовании «Места памяти в молодых уральских городах: особенности построения идентичности» (РГНФ 13-13-66010) интервью проводились в 2013-2014 гг. в г. Качканар, Краснотурьинск, Лесной, Заречный; в текущем проекте («Масштабирование социальной памяти поколений в городах «старой» и «новой» индустриальности») — в 2018 г. в г. Серов, Верхняя Салда, Нижняя Салда; в проекте МВН — в 2017 г. в Екатеринбургском музее изобразительных искусств (ЕМИИ) [Костина, Кудрявцева, 2018] при участии одного из авторов статьи.

в некоторых видах интервью, близких к качественному полюсу (если иметь в виду континуум качественных/количественных методов). Масса обследований — от переписи населения, предвыборных опросов и до качественных исследований — проходит по месту жительства, но только немногие проекты методологически настроены на то, чтобы содержательно использовать наблюдаемую обстановку. Так, пример анализа любительского бриколажа в квартире информанта находим у Е. Рождественской: в ходе биографического интервью она обратила внимание на то, что самодельная композиция помещена в своего рода красный угол — на фоне ковра над диваном, где обычно сидит хозяин. Обрамленный в классически золотой багет, бриколаж соединяет вырезанные фото-абрисы героя разных лет, от молодого лейтенанта до фронтовика с медалями [Рождественская, 2012: 193-194]². Исследование бытования фотографии в современном городском интерьере в работе О. Бойцовой [2013], если взять еще один пример, построенное на сочетании интервью и наблюдения (вполне привычном для антропологов, но менее востребованном социологами).

В мобильных методах не только рассказ информанта, но и пространство, и движение являются полноправными элементами исследования, так что наблюдение смыкается с интервью. М. Кузенбах, автор термина «go-along», считает данный метод чем-то средним между интервью и наблюдением [Kusenbach, 2003: 463]. Близость к наблюдению заставляет некоторых специалистов [Запорожец, 2017; Kusenbach, 2017] относить к мобильным интервью даже «следование тенью» (shadowing) — метод, согласно которому исследователь в течение какого-то времени всюду следует за информантом, словно тень. У go-along и «следования тенью» как полевой работы в движении [Czarniawska, 2007; 2014] (в другой терминологии — «социологического сталкерства» [Büscher et al., 2011: 8]) действительно много общего за счет фокуса на повседневной жизнедеятельности информанта.

Однако если go-along и смыкается с shadowing, то только в тех ситуациях, когда информант направляется по своим делам, а интервьюер присоединяется к нему и просит вести рассказ, но это довольно редкий вариант. Принципиальное различие этих двух мобильных методов состоит не в больших или меньших передвижениях, как полагают Джеймс Эванс и Фил Джонс [Evans, Jones, 2011: 850], а в том, что в shadowing: а) преобладает наблюдение [Quinlan, 2008; Hall, Freeman, 2014: 563], б) «тень» сопровождает участника в процессе его собственной, а не организованной для исследователя деятельности, в) наблюдение длится существенно дольше, чем интервью (скажем, в течение всего рабочего дня, выходных и т. п.). Go-alongs же представляют собой прогулки, организованные под запрос исследователя [Веселкова и др., 2017].

Go-along будем понимать как общее название всех интервью, проводимых на ходу. На конкретный формат влияют два обстоятельства. Во-первых, способ передвижения: пешком, на автомобиле, велосипеде и т. д., — мы остановимся только на пешеходных прогулках. Во-вторых, характер пространства — открытое (outdoor)

² Это интервью было проведено в Пскове в ходе международного проекта «Принудительный и рабский труд», координировавшегося Институтом истории и биографии Университета Хаген (Германия) при поддержке Фонда «Память и будущее». См.: Hitlers Sklaven. Lebensgeschichtliche Analysen zur Zwangsarbeit im internationalen Vergleich / Hrsg. A. von Plato, A. Leh, Ch. Thonfeld. Wien; Koeln; Weimar, 2008; [Рождественская, 2010]. Благодарим Е. Ю. Рождественскую за уточнения.

или закрытое (indoor). До сих пор go-alongs широко используются прежде всего outdoor, для прогулок по городу или его части, появляются публикации о go-along в (лесо)парках и других «природных» местах. Значительно реже (пока еще) этот метод применяется внутри помещений, indoor. Так, например, Б. Крайсинджер обращался к посетителям у входа в новый торговый центр и затем сопровождал добровольцев во время передвижений по торговому залу, после чего участники заполняли анкету, а исследователь делал полевые заметки [Chrisinger, 2016: 427]. В нашем текущем исследовании социальной памяти классическая уже прогулка по городу по воле информантов порой включала посещение таких заведений, как дворцы культуры, церкви и т. п.

Отдельный пул составляют go-alongs в музее. В одном случае информантами стали сотрудники музеев изучаемых городов, проводившие для нас более или менее стандартные экскурсии, в другом — посетители ЕМИИ в рамках проекта «Музей: включенное наблюдение». Задачей МВН было выяснение восприятия музея с акцентом на эмоции: участники двигались вместе с интервьюером в режиме go-along либо индивидуально, фиксируя свои впечатления (в блокноте, на диктофоне, с помощью фото- и видеосъемки) [Костина, Кудрявцева, 2018]. И если обычно в методических публикациях go-along рассматривают как «продолжение» традиционного интервью, которое на новом витке эволюции становится мобильным, то МВН показывает go-along с другой стороны — как «продолжение» прогулки, когда посетитель идет не в одиночку, а в компании с исследователем.

Анализируя свои go-alongs 2013-2014 гг., мы обнаружили определенную структуру маршрутов, а также обратили внимание на то, что рассказ может забегать вперед, отставать или вообще отрываться от показа, образуя тем самым различного рода сочетания показа и рассказа. В настоящей статье мы проверяем продуктивность данного подхода, но уже не только в открытых, но и в закрытых пространствах.

Структура маршрута

Маршруты go-alongs обладают стабильной структурой, базовую роль в которой играют следующие элементы: начальная точка и следующий за ней пункт, состоявшиеся и несостоявшиеся дестинации, проходные места, а также конечный пункт [ср.: Веселкова и др., 2016: 53-60]³.

Начальная точка (ср. у Анны Видерхольд — «opening sites» [Wiederhold, 2015: 608]) — это место, где исследователь встречается с информантом и стартует go-along. В городе этот пункт должен быть хорошим ориентиром, желательно, чтобы он был удобно расположен для обоих участников. В анализируемых проектах определение начальной точки по возможности предоставлялось информантам, и их выбор сам по себе показателен. Например, в предварительном телефонном согласовании жительница Серова сначала предложила встретиться у входа в музей, затем перезвонила и перенесла начальную точку ко Дворцу культуры

³ А. Стрельникова и А. Ваньке ограничиваются выделением двух структурных элементов маршрута: узлов (поворотных точек, связанных с остановками в движении) и путей (отрезков движения) [Стрельникова, Ваньке, 2017: 60]. Терминология узлов и путей отсылает к структуре ментальных карт К. Линча: пути, ориентиры, границы, узлы, районы [Линч, 1982]. Разработанная для «чтения» города посредством ментальных карт, эта типология представляется полезной и для анализа материалов мобильных интервью.

металлургов (ДКМ), следуя, видимо, изменившемуся плану показа, но оба места находятся в центре города и понятны для приезжих. В проекте МВН все встречи начинались в фойе, а далее интервьюер мог уточнить: «Откуда Вы хотите начать?», либо информант сам сообщал:

«На самом деле начинаю я всегда отсюда. То есть не важно, куда, зачем я прихожу в музей — на открытие, там не знаю... я все время смотрю здесь экспозицию, то есть... Каслинский зал» (Ж24-09)⁴.

Может показаться, что из любой точки, включая начальную, возможны самые разные направления движения. На деле же мы столкнулись с обескураживающим поначалу единообразием маршрутов: оказываясь в роли «гидов», горожане вполне закономерно следовали культурно предписанной логике «экскурсий». По этой причине в начале городских прогулок нередко доминирует матрица города-для-других — объективированный, почти лишенный личных обертонов рассказ и показ. У музейных работников, которые водили нас по Серову, Верхней и Нижней Салде, подобный формат сохранялся на протяжении всей прогулки, у других информантов город-для-других переплетается с городом-для-себя. В МВН (не)совпадения маршрутов авторы визуализировали с помощью прозрачных листов с нанесенными на них траекториями прогулок, взаимоналожение которых на подсвеченный план залов выявляет, в частности, самые проходимые зоны [Костина, Кудрявцева, 2018: 278].

Нередко начальная точка выполняет не только техническую функцию ориентира, но и содержательную. Так, серовчане в качестве места встречи зачастую указывали храм или площадь, где он стоит, это беспроектный ориентир и само по себе богатое для демонстрации пространство. В силу той же «экскурсионной» логики рассказ и показ в начальной точке практически всегда совпадают: информанты поясняют, где мы находимся и чем примечательно это место.

Если начальная точка может и не быть содержательной дестинацией, то второй после нее пункт — это уже непременно запланированное для показа место. Мы выделяем его среди остальных дестинаций по причине того, что оно задает направление всего дальнейшего маршрута; конвенциональный «экскурсионный» задел здесь еще не исчерпан, поэтому показ и рассказ идут согласованно. Участник исследования из Серова, организатор поисковой деятельности, после встречи на городской площади целенаправленно повел исследователя к зданию военкомата. Тематика сохранения памяти о погибших воинах предопределила содержательную канву и маршрут этого интервью:

«Один стенд, а другой, как бы сказать, стела мемориальная, она увековечивает героев Советского Союза, одновременно мемориальная доска по чернобыльцам есть и вот эта мемориальная стела по погибшим в Афганистане и Чечне. И здесь же рядом пройдем еще до... двух школ... В одной... школа носит имя героя Советского Союза, а вторая, в которой мы вот, вот этой деятельностью по мемориальным доскам, установили еще одну доску по герою России уже» (СрМ46)⁵.

⁴ Для цитат из МВН используется шифр, где буква и две первые цифры означают пол и возраст участника, две последние цифры — порядковый номер прогулки. Например, (Ж24-09) — женщина 24 лет, прогулка 9.

⁵ Легенда шифра в цитатах из «городских» проектов: первая одна или две буквы означают город (Ср — Серов, ВС — Верхняя Салда, НС — Нижняя Салда, Л — Лесной, З — Заречный), следующая буква и цифры — пол и возраст информанта. Например, (СрМ46) — мужчина из Серова 46 лет.

Дестинации — это пункты назначения, выбранные информантами для непосредственного предъявления исследователю. Среди череды таких мест может выделяться супердестинация — главное место маршрута. Так, в Заречном горожане с гордостью показывали плотину, в Верхней Салде — парк им. Гагарина и восстановленную церковь, в Серове — мемориал на месте разрушенной церкви и Загородку — исторический район близ завода. Участники МВН не могли пройти мимо Каслинского зала с его знаменитым павильоном. Однако такими супердестинациями становятся не только известные общественные места (объекты), но и биографически значимые. Например, в Верхней Салде информант весь маршрут выстроила таким образом, чтобы показать и рассказать о школе искусств, в которой в свое время училась, а затем проработала много лет. Она настояла на том, чтобы пройти внутрь здания, несмотря на каникулы и нерабочее время, попросила вахтера пропустить и включить освещение, чтобы разглядеть размещенные на стенах фотографии сотрудников и учеников. Таким образом, не только выбор информантами определенных мест, но и детализация показа задают акценты в наблюдении, которое уже не является прерогативой интервьюера, но во многом организуется информантами.

Выбор дестинаций является результатом *локальной компетенции* информанта. Городское пространство содержит множество необъявленных, как бы **спрятанных мест**, доступ к которым возможен не для каждого. Скажем, в Верхней Салде существует частный музей оружия, которым занимается бывший воин-интернационалист. Туда приходят школьники с организованными экскурсиями, но вывески у этого музея нет. Мы попали только потому, что одна из участниц, профессиональный экскурсовод, во время путешествия по городу созвонилась с руководителем этого музея (и с интересом сама там побывала вместе с нами). Вышеупомянутую серовскую супердестинацию — мемориал на остатках взорванного в 1931 г. Спасо-Преображенского собора — также можно отнести к числу спрятанных, поскольку в городе нет специальных указателей, а место находится во дворах среди гаражей. Нам рассказали, что сталинские дома целенаправленно были построены таким образом, чтобы закрывать от глаз прохожих развалины собора. В другом случае место так и осталось недоступным, поскольку поиск надписи на стене дома барачного типа, сохранившейся со времен СССР (мы долго шли и ехали на автобусе, потому что информантка (СрЖ59) считала важным показать и тем самым зафиксировать в материалах исследования именно эту надпись), не увенчался успехом. Показ таких скрытых мест свидетельствует как об особом отношении к городу, так и о желании продемонстрировать свою осведомленность или причастность к знанию, доступному далеко не всем.

В разряд **пропущенных** попадают места, которые известны по другим интервью, литературе или сами по себе притягивают взгляд исследователя, но в конкретном интервью не достаиваются ни показа, ни рассказа. Они становятся возможными, но не состоявшимися дестинациями.

Проходными мы называем места, которые достаиваются внимания просто потому, что возникают по пути и помогают информанту заполнять паузы между дестинациями. В зависимости от логики конкретного интервью один и тот же объект может оказаться и дестинацией, и проходным, и пропущенным местом.

Что именно станет **конечной точкой**, по факту устанавливается в процессе интервью, почти независимо от того, планируется она информантом заранее или нет. Учитывая, что исследователи — приезжие, участники «городских» исследований старались вернуть нас к исходной точке или даже месту жительства, либо к начальной точке следующего интервью, попутно проговаривая ориентиры: *«раз у вас встреча в 6 часов будет там, там как раз, я думаю, закончу Александровским мостом, как раз он между библиотекой Бажова и “Метелицей”»* (ЛЖ43). Примером спонтанного определения финала может служить сюжет в начале второго часа прогулки по ЕМИИ, когда участник вроде бы двинулся на второй этаж, но тут же отказался от этой затеи: *«Я не понимаю, что там. А, кстати, и нету, нет возможности объективно узнать, что там. Даже если бы было, я бы, наверно, все равно не пошел. Хочется кофе, курить и тому подобное (смеется)»* (М35-25). Другой вариант установления конечной точки больше ориентирован на нужды информанта, когда тот оставляет исследователя в некоем значимом месте вроде церкви в Верхней Салде, а сам отправляется по своим делам.

В некоторых случаях маршруты содержат сложную внутреннюю драматургию. Так, в Серове информант сначала показывал мемориальные доски и признанные публичные места, но закончил свой показ в школьном музее, которым он занимается на протяжении многих лет. Эта супердестинация стала апофеозом интервью, в котором пересеклись личная биографическая включенность и предполагаемая общественная значимость места.

Автором маршрута выступает информант, поскольку договоренность об интервью устанавливается заранее, есть возможность «подготовиться». Жительница Лесного упоминала о знакомой, с которой она советовалась перед встречей с нами. В других случаях участник исследования может обращаться за помощью «коллективного разума» прямо во время прогулки. Один наш информант последовательно звонил своим друзьям с вопросами, что показать дальше, поскольку его собственный маршрут, включавший церковь, заброшенный полуразрушенный медицинский городок и два уникальных для города дерева (дуб и клен), быстро закончился. Потом он обращался к своей маме, ранее возглавлявшей музей, которая несколько раз перезванивала и даже пыталась по громкой телефонной связи рассказывать о местах по ходу интервью. После этого нам встретилась его знакомая, которая горячо рекомендовала посетить заводской музей. Фактически конструирование маршрута стало общим делом множества людей, так что можно говорить о коллективном авторстве.

Таким образом, детализация устройства маршрутов, их структуры, драматургии и авторства показывает не только то, как пространство читается (по К. Линчу) и производится (по А. Лефевру), но и как оно предъясняется в ходе интервью.

Жанры go-along

Далее мы хотели бы обратить внимание на два критерия классификации go-along. Это соотношение, во-первых, города-для-других и города-для-себя, во-вторых — движения outdoor и indoor.

Взаимное наложение этих дихотомий дает четыре жанра go-alongs (рис. 1). «Биографическое go-along» и «экскурсия по городу» предполагают прогулку по от-

крытой местности, с преобладанием в первом случае подчеркнуто субъективного города-для-себя (1), во втором — стремящейся к объективации «экскурсии» (2). Два других жанра реализуются в помещении, при этом музейное go-along в «экскурсионном» варианте (3) нанизано на такой же объективированный стержень, что и «экскурсия» по открытому пространству. «Антиэкскурсия по музею» (4) (термин Д. Костиной и И. Кудрявцевой в МВН), напротив, фиксирована на личности информанта. На рис. 1 кружками по краям разведены лично-ориентированные варианты: слева — в открытом пространстве, справа — в закрытом; квадратами в середине обозначены «экскурсии». Названия жанров возникли из специфики эмпирического материала, однако положенные в основу типологии критерии придают ей определенную универсальность. Соответствующие разновидности go-along могут разворачиваться не только в городе и музее, возможны любые варианты открытого и закрытого пространства. Названия тогда несколько изменятся (например, (2) экскурсия по лесопарку, (3) экскурсия по торговому центру и т. д.), но суть останется прежней.

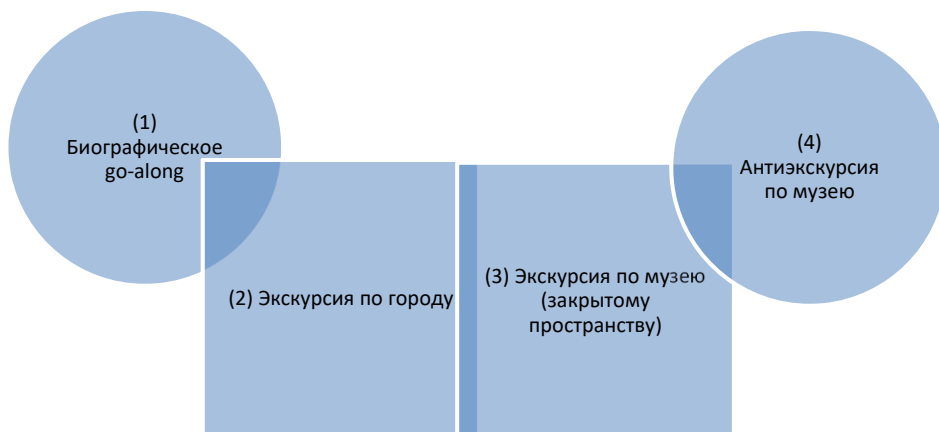

Рис. 1. Жанры go-along

Как и в любой классификации, предлагаемое деление условно. Соотношение личного и безличного подвижно, а вот открытость и закрытость пространства на первый взгляд кажется постоянной величиной, однако это не совсем так, и отклонения от типовых жанров особенно интересны. Зачин и характерные обороты интервью-экскурсии делают неразличимыми жанры экскурсии outdoor (2) и indoor (3):

«В этом году городу Серову исполнилось 124 года. Серов свое имя нынешнее получил 7 июня 1939 года. В честь летчика Анатолия Константиновича Серова, участника военных действий в Испании 1937-1938 годах. До этого наш город первоначально был назван Надеждинский завод, потом уездный город Надеждинск, с 1919-го» (СрМ46), жанр «экскурсия по городу» (2).

Если в МВН все прогулки осуществлялись в пределах здания Екатеринбургского музея, то в двух других проектах встречались и иные варианты. После профес-

сионального показа заводского музея (жанр 3) в Нижней Салде сотрудница передала нас своей коллеге для экскурсии по городу (жанр 2), но и в самом музее рассказ мог выходить за его стены. В одном городе нам так объяснили месторасположение церкви: сразу за зданием музея и заводоуправления, в другом экскурсовод вышла и по своей инициативе показала близлежащие достопримечательности.

В городских go-alongs информанты иногда предлагают зайти внутрь тех или иных объектов. В ходе прогулки по Нижней Салде нас провели в ремонтируемую Никольскую церковь, позднее — в местный ДК. Демонстрируя интерьеры ДК, наша собеседница рассказывает, как они выглядели раньше, а далее рассказ отрывается от показа, устремляясь в столицу. Согласно легенде, «на съезд профсоюзов приезжала из Салды работница Голованова», которая сообщила Н. Крупской и К. Цеткин, «что вот у нас город, там такое-то строится, у нас клуб маленький, там зайдешь, все эти пуговицы оборвутся там и т. д. ... Крупская и та администрация поспособствовали тому, чтобы, зная, что здесь будет развиваться город, чтобы сюда прислали такой проект. И вот с 29 года начали строительство» (НСЖ68).

При выходе на улицу рассказ воссоединяется с показом, их связка хорошо видна в грамматически избыточных, но ситуативно оправданных указательных местоимениях:

«Здесь снесли несколько домов по этой улице и построили здесь не только вот Дворец культуры, но дальше там был[и] школа, детский сад, больница... Вот они здесь сейчас, здания» (НСЖ68).

Идея зайти в те или иные здания возникает не только в ходе «экскурсии по городу» (жанр 2) и необязательно у людей с музейным бэкграундом, но и в биографически заряженных интервью (жанр 1), однако в последнем случае такие попытки часто сопровождаются некоторой неуверенностью информанта и не всегда заканчиваются успешно. Если в ДКМ Серова мы попали беспрепятственно, хотя информантка и сомневалась: «Стоит посмотреть, если пустят... сейчас, если нас туда пустят» (СрЖ63), то в Верхней Салде вход в ДК преградила бдительная сотрудница, в другом интервью удалось туда проникнуть лишь благодаря тому, что на вахте появилась директор, разрешившая посещение. Эти примеры показывают различия в локальной компетентности и «опыте города» наших информантов, но также свидетельствуют и о свойствах и функционировании пространства в тех или иных местах.

Все виды go-along мало похожи на традиционно понимаемое интервью, поскольку интервьюер почти не задает вопросов, рассказ и движение направляются информантом. Вдвойне необычно выглядит музейная антиэкскурсия с ее перераспределением ролей, когда посетитель ведет профессионала, а не наоборот. Предлагаемая разбивка жанров (рис. 1) и рассмотрение их вместе помогают понять тем, кто впервые пробует подобные методические практики, что это все еще интервью, в котором стимулирование, наблюдение и запись речи информанта осуществляются исследователем; а тем, кто специализируется на проведении интервью — особенности каждого жанра, познавательные возможности go-along в целом и пределы метода интервью как такового.

Дружит ли рассказ с показом?

Считается, что окружающее пространство само дает подсказки о себе. Мы не раз наблюдали ситуации, когда информанты узнавали новое или корректировали свои представления, когда приводили нас в то или иное место и сами вчитывались в таблички на памятниках. Иными словами, показ стимулирует рассказ о конкретном месте; но не только — предполагается, что go-along побуждает к выходу за пределы непосредственного «здесь и сейчас» (Кевин Линч поэтично говорит о «расширении осмысленности и богатства мира» [Линч, 1982: 16]). Вопрос в том, всегда ли подобный отрыв от конкретного окружения, в котором происходит интервью, продуктивен? Или в какой-то момент глубина воспоминаний, полет воображения и сплетение ассоциаций уносят рассказ критически далеко, выплескиваясь за границы темы исследования? Для того, чтобы разобраться в этих вопросах, остановимся сначала на эффектах расширения времени и пространства в go-along, а затем обратимся к типологии рассогласований рассказа и показа.

Расширение времени и пространства в go-along

В седентарных интервью для стимулирования воспоминаний и в целом расширения пространства/времени применяются различного рода стимульные техники. Специалисты [Crilly et al., 2006: 342] приветствуют идею методики стимульного интервью Юкки Торонена: стимульные материалы привносят то, что находится за рамками «здесь и сейчас» текущего взаимодействия между интервьюером и интервьюируемым — моменты из времени не «сейчас» и события, локализованные не «здесь» [Törrönen, 2002: 348]. В go-along, по мнению многих адептов этого метода, само пространство, логика и ритм передвижения эффективно решают задачи по «стимулированию». Стоит заметить, что последовательность мест не работает как универсальный пусковой механизм; выход за пределы «здесь и сейчас» происходит не только за счет пространственных триггеров, но и в силу внутренней логики рассказа.

Расширение пространства/времени принимает разные очертания в зависимости от жанра go-along. Различие экскурсионных и биографических интервью воспроизводит известное различие истории и памяти. Стремящиеся к объективности-безличному канону интервью-экскурсии (жанры 2 и 3) ожидаемо выдают некий устоявшийся нарратив, с помощью наблюдаемых городских мест или музейных экспонатов предлагается прикоснуться к прошлому, однако целиком к этому не сводятся.

Заведующая заводским музеем в Нижней Салде показывает ценный артефакт, который ей удалось найти (а вот коллекция фотоаппаратов одного из известных горожан канула в лету!), упоминает о взаимодействии с ветеранами и школьниками — здесь рассказ и показ идут рука об руку. Подобным образом из Серовского исторического музея мы переносимся, скажем, на берега реки Сосьвы, которая «регулярно вымывает [косточки мамонта]» (СрЖ33); референтными группами оказываются «единомышленники музея», археологи и музейщики, а местные фонды соотносятся с тем, что есть у коллег: «в Гари есть музей, его открыли в [20]12-м году, и вот самая хорошая-то коллекция у них» (СрЖ33). Благодаря ли профессионализму наших рассказчиц или под действием музейной инкапсуляции, драматических

отрывов рассказа от показа не происходит, а приведенные примеры говорят о продуктивном расширении музейного пространства.

В биографически ориентированных жанрах (1 и 4) рассказ может удаляться в прошлое, оставаясь тесно привязанным к показу. Так, например, ЕМИИ у ряда информантов связан с детским опытом: *«Ну, это воспоминания из детства одно-значно. Меня всегда немного пугали черные статуи. Когда их много, они создают некоторое впечатление, мрачное. Поэтому я обычно всегда проходила дальше»* (Ж25-17). Участники МВН вспоминали и не столь давние посещения музея, примерно за месяц до интервью, в день города: *«Тут мы быстро проходили, потому что было очень много народу, мы еще приходили с Дашей, отдельно смотрели, но все равно вот эта стена произвела впечатление, и вот эта»* (Ж24-9).

Метод go-along известен своей продуктивностью в отношении активации прошлого, а вот о будущем, об импульсах, которые идут непосредственно из этой прогулки и даже конкретных ее пунктов, говорится меньше. Вместе с тем go-along высоко генеративно как в части непосредственного будущего, так и проективного. Один из участников музейного исследования придумал, о чем сделает пару постов в Facebook тем же вечером. Рассуждая по поводу картины уральского художника Худоярова, этот информант, историк и работник другого музея, обозначил своего рода план, методологию соединения таких источников, как живопись и художественная литература:

«Вот после этого надо что делать? Читать Мамина-Сибиряка после этой картины. Он примерно живописует... ну, ситуацию, ну, лет на 20—30 позже, получается — там, 60—70-е. А как люди были, одевались, и попытаться найти общие черты. То есть, наверно, у шапки этой есть название определенное» (М35-25).

Примером рассуждения в проективном ключе может служить идея об использовании потолочных конструкций музея:

«При такой... удивительной крыше как-то обидно даже, что она не используется... можно было что-то сделать, что-то повесить. Ну, не тяжелое, не знаю, какое-то... картину — не картину, какую-то тряпочку, какое-то произведение искусства... вон там балка без света и как раз можно было бы что-то, что было бы видно условно с улицы, как раз учитывая, что тут есть такой огромный, огромная витрина в самом музее» (М34-11).

Оба фрагмента выдержаны в объективистском стиле, но та же недоиспользованная, по мнению участников, входная витрина упоминается и в интервью, которое начинается и заканчивается глубоко личностным погружением в детство:

«С одной стороны, это ощущение детства, когда ты здесь побывал впервые, а с другой стороны, навевает тоску, что все примерно так же и ничего не меняется. Хотя пространство такое огромное, светлое, по-своему уникальное тем, что находится на Плотинке, здесь такая стеклянная стена целая» (Ж25-17).

Типология рассогласований рассказа и показа

Ни лично-окрашенный, ни похожий на экскурсию рассказ никогда не бывает просто перечислением встреченных по пути объектов. Показ может быть четко артикулирован («*вот она — художественная школа*», «*это проходная металлургического завода*» (СрЖ59)), но всегда вплетается в некую сюжетную канву. Рассказ имеет собственную логику, которая далеко не всегда дружит с логикой показа.

Связность повествования, возникающие и развиваемые информантом сюжетные линии то и дело отрывают рассказ от описания встречаемых по пути объектов, так что возникают рассогласования между рассказом и показом. Все варианты таких разрывов можно разделить на две группы: 1) повествование высоко биографично и рассказ отрывается от мест прогулки, 2) рассказ касается мест, но отделяется от непосредственного маршрута следования. Эти разрывы преодолеваются при остановках, когда информант подробно рассказывает о данном месте, и при посещении каких-то заведений (переход из outdoor в indoor формат). Они позволяют синхронизировать показ и рассказ, хотя это вовсе не гарантирует, что эти «точки сборки» не рассыплются в дальнейшем.

1) Разрыв рассказа и показа из-за доминанты биографизирования

Во всех четырех жанрах интервью нацелены на изучение опыта пространства, будь то открытое пространство города или закрытое — музея. При этом само понятие «опыт пространства» содержит в себе принципиальную двойственность. Она в полной мере проявляется в ходе интервью, когда смысловой центр блуждает между личным «опытом» и общим «пространством» (рис. 2). В анализируемых проектах всем участникам одинаково объясняли суть исследования, однако по мере проведения интервью выяснялось, что у кого-то превалирует отстраненный объективированный город-для-других или музей-для-других, в других наоборот — доминируют личностные обертона города или музея-для-себя. Стрелки на рис. 2 подчеркивают, что жанры go-along вырастают из преобладания матриц для-других или для-себя. (При этом элементы обеих матриц присутствуют во всех интервью, а их концентрация может меняться в течение одной и той же прогулки.)

Рис. 2. Двойственность «опыта пространства» как источник матриц для-себя и для-других

Крайней версией доминирования личного является рассказ о себе, своей жизни, никак не связанный с окружающим пространством. Так, 58-летний информант, без малого два с половиной часа добросовестно водивший по своему родному Серову, в какой-то момент переключился на совсем другой город, расположенный за 3 тыс. км, в Карелии. Там прошли его молодые годы, и ему очень хотелось поведать об этом. Подобное повествование выходило за рамки нашего исследования, поэтому интервьюеру пришлось директивно возвращать собеседника к теме — биографизирование оказалось деструктивно избыточным, не оставив города Серова ни в версии для-себя, ни для-других.

Разработанный Анной Стрельниковой метод биографической прогулки изначально фокусируется на биографии, а пространство служит ключом, призванным

пробудить воспоминания, прямо или косвенно с ним связанные [Стрельникова, 2012: 54-56]. Сначала проводится седентарное интервью, затем мобильное. Здесь перенос рассказа в другие места не является ошибкой, напротив, автор считает это «естественным свойством прогулки — расширением сюжетов повествования»⁶. Таким образом, данный метод, по крайней мере в своей начальной версии, отличается от go-along соотношением биографии и пространства: биографическая прогулка (на рис. 2 выделена пунктирным контуром) отдает приоритет биографии, тогда как go-along — пространству и движению.

В MBH также был небольшой седентарный этап в отдельном кабинете музея, а в наших go-alongs такой части нет, как не дается и никаких рекомендаций насчет мест, маршрута или времени, мы просто просим показать нам город [Веселкова и др., 2016; Веселкова и др., 2017]. Информанты выстраивают движение с учетом присутствия исследователей, хотя нередко вплетаются фрагменты привычных траекторий, которые у А. Стрельниковой называются «маршрутами памяти».

2) Разрыв рассказа и показа внутри маршрута

Ранее мы уже описывали два вида рассогласования во времени, или асинхронии, когда рассказ либо а) опережает показ, либо б) возвращается к ранее показанному [Веселкова и др., 2016: 62-65], рассмотрим их теперь вкупе с в) отвергнутыми местами.

а) Рассказ опережает показ, когда информант говорит о том, что пока вне зоны видимости, как бы согласовывая с собеседником дальнейшие действия:

«Отсюда не видно, но на флаге изображен подсолнух с Белоярской атомной станцией внутри, то есть это герб нашего города. Можно подойти поближе, конечно, сфотографировать» (Ж23).

Отрыв рассказа минимален, поскольку упреждающие реплики направлены на показ, подготавливают настройки оптики и движения, что хорошо заметно по интенсивности использования глаголов будущего времени, выражающих движение и зрительное восприятие (пойдем, посмотрим). Последовательность того, что будет *сейчас*, увязывается с пространственным упорядочиванием посредством указательных местоимений (там) и сообщением направления: *«сейчас пойдем по лестнице левой и посмотрим там постоянную экспозицию, где представлено русское искусство» (Ж29-1).*

б) Рассказ возвращается к ранее показанному двойко. В городских прогулках информанты обычно апеллировали к начальной точке как самой понятной, чтобы сориентировать приезжих интервьюеров на местности. Как и в случае забегания рассказа вперед, интенсивно задействуются пространственные маркеры (верхом, по той дороге, где, до площади), глаголы же идут в прошедшем времени (были, встретились).

У участников MBH такой нужды не возникало, поскольку их интервьюерами были сотрудники музея, прекрасно знакомые с его пространством. Поэтому возвращение в разговоре к чему-то уже пройденному подхватывало ранее начатую тему или, как в следующем отрывке, помогало выразить деликатные, сензитивные аспекты:

⁶ Здесь и далее применительно к методу биографической прогулки использованы материалы переписки по электронной почте с А. Стрельниковой 18—25 сентября 2018 г., благодарим Анну Владимировну за продуктивное обсуждение.

«Есть моменты, которые мне хочется рассказать, но мне может быть неловко, что мм... вот мы когда обратили внимание на столик на втором этаже в разделе камнерезного искусства... там было много всякого сора сверху, и у меня возник вопрос... ну, внутренний вопрос...» (Ж25-17).

Так или иначе, данный вариант асинхронного рассогласования свидетельствует о том, что далеко не всегда рассказ *in situ* оказывается исчерпывающим, в то время как места сохраняют свою продуктивность для интервью, даже будучи пройденными.

в) Отвергнутые места — это частично несостоявшиеся дестинации: они удостоились рассказа, но не были включены в маршрут из-за удаленности, сложности доступа или других причин. Историческое кладбище в Нижней Салде располагается неподалеку от церкви, в которую мы заходили, и очень манило, но было отвергнуто информантом: *«В ограде там сохранилась плита, но мы там дальше не пойдем, потому что там перелезть надо, там на пути дебри»* (НСЖ68). Подобная характеристика места как трудно- или вообще недоступного — результат оценивания, выражающего опыт местного жителя относительно того или иного пространства применительно к ситуации интервью, как она понимается участником.

В отличие от других видов интервью, в *go-along* принципиально важен не только рассказ, но и показ, однако, как было показано, они далеко не всегда друг с другом «дружат». Расширение времени и пространства, достигаемое за счет их рассогласования, может приобретать как продуктивные, так и, в некоторых случаях, деструктивные формы, побуждая к директивному возвращению к теме.

Заключение

Выделенные структурные элементы маршрута: начальная точка и следующий за ней пункт, дестинации, проходные и отвергнутые места, конечный пункт, — просматриваются и в открытых, и в закрытых пространствах, но в открытых они более явственны. Жанровое разнообразие *go-along* интервью, на наш взгляд, определяет эвристику метода и его способность настраиваться на конкретные исследовательские запросы.

Соотношение рассказа и показа варьирует на уровне как структуры, так и жанров *go-along*. Асинхрония — это следствие относительной независимости рассказа от сопутствующих ему мест по ходу *go-along*.

В целом наш опыт применения *go-along* приводит к следующим важным выводам. Во-первых, ситуация взаимодействия между исследователем и информантом по сравнению с традиционным стационарным интервью приобретает дополнительное измерение за счет движения и постоянно меняющегося пространства. Его элементы опосредуют диалог между исследователем и информантом, а дестинации обладают удивительным свойством связывания информанта и исследователя, вовлечения их в сходный опыт, полезный для дальнейших операций над полученными данными. Во-вторых, метод *go-along* показывает постоянные переключения регистров внимания, характерные для формирования повседневных биографических перспектив, определяя тем самым границы реальности опыта городского пространства. В-третьих, само по себе движение объединяет в целое (в единый маршрут) разнообразные дестинации, демонстрируя конструирование различных

логик городского пространства, которые могут налагаться друг на друга, сходиться и расходиться. В-четвертых, go-along реализует исследовательский интерес и одновременно активирует его у информантов. Не только построение маршрута, но и организация наблюдения, привлечение внимания к деталям, акцент на отдельных элементах показываемого, таких как вывески, надписи на фронто́не дома или особенности музейного интерьера — все это задает дополнительные перспективы исследования.

Список литературы (References)

Бойцова О. Ю. Любительские фото. Визуальная культура повседневности. СПб. : Европейский университет, 2013.

Boytsova O. Yu. (2013) Amateur photos. Visual culture of everyday life. St. Petersburg: European University in St. Petersburg. (In Russ.)

Веселкова Н. В., Прямикова Е. В., Вандышев М. Н. Места памяти в молодых городах. Екатеринбург г: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 394 с.

Veselkova N. V., Pryamikova E. V., Vandyshev M. N. (2016) Sites of Memory in Young Towns. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. 394 p. (In Russ.)

Веселкова Н. В., Вандышев М. Н., Прямикова Е. В. Об основных векторах развития метода интервью // Социологические исследования. 2017. № 6. С. 44—56. <https://doi.org/10.7868/s0132162517060046>.

Veselkova N. V., Vandyshev M. N., Pryamikova E. V. (2017) On the main developments in the methodology of interviewing. *Sociological Studies*. No 6. P. 44—56. (In Russ.) <https://doi.org/10.7868/s0132162517060046>.

Глазков К., Стрельникова А. Мобильные методы: движение как часть исследовательской стратегии // Интер. 2015. № 10. С. 79—90.

Glazkov K., Strelnikova A. (2015) Mobile Methods: Movement as a Part of Research Strategy. *Inter*. No. 10. P. 79—90. (In Russ.)

Запорожец О. Н. «Мобильные методы»: исследование жизни в движении // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2017. Т. 44. С. 37—72.

Zaporozhets O. N. (2017) “Mobile Methods”: studying life in motion. *Sociology: methodology, methods, mathematical modeling*. Vol. 44. P. 37—72. (In Russ.)

Костина Д., Кудрявцева И. Музей: включенное наблюдение. «Что-то новое и необычное»: аудитория современного искусства в крупных городах России / отв. ред. А. Ю. Прудникова, науч. ред. Л. Е. Петрова. М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый : Екатеринбургская академия современного искусства, 2018. С. 270—287.

Kostina D., Kudryavtseva I. (2018) Museum: Participant Observation. “Something New and Extraordinary”: *Contemporary Art Audience in Major Russian Cities*. Moscow; Ekaterinburg: Armchair Scientist, Ekaterinburg Academy of Contemporary Art. P. 270—287. (In Russ.)

Линч К. Образ города / пер. с англ. В. Л. Глазычева ; сост. А. В. Иконников ; под ред. А. В. Иконникова. М. : Стройиздат, 1982.

Lynch K. (1982) *The Image of the City*. Transl. from English by V. L. Glazychev. Moscow: Strojizdat. (In Russ.)

Рождественская Е. Биографическая работа по возвращению смысла: истории жизни остарбайтеров. У пошуках власного голосу: Усна історія, як теорія, метод та джерело: Зб. наук. ст. / за ред. Г. Грінченко, Н. Ханенко-Фріезен. Харків. 2010. С. 25—38.

Rozhdestvenskaya E. (2010) Biographical work on the return of meaning: the Ostarbeiters' life histories. Looking for your own voice: Oral history as a theory, method and source. Ed. by G. Grinchenko, N. Khanenko-Friesen. Kharkov. P. 25—38. (In Ukrainian)

Рождественская Е. Ю. Биографический метод в социологии. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 386 с.

Rozhdestvenskaya E. Yu. (2012). Biographical method in sociology. Moscow: The Higher School of Economics Publishing House. 386 p. (In Russ.)

Стрельникова А. Социология города: пространственные практики и жизненные траектории. М.: Тривант, 2012.

Strelnikova A. (2012). *Sociology of the city: spatial practices and life trajectories*. Moscow: Trovant. (In Russ.)

Стрельникова А., Ваньке А. Полевое исследование индустриального района: стратегии сбора и анализа визуальных данных // Интер. 2017. № 13. С. 51—72.

Strelnikova A., Vanke A. (2017) Field research of an industrial neighbourhood: the strategies of visual data collection and analysis. *Inter*. No. 13. P. 51—72. (In Russ.)

Büscher M., Urry J., Witchger K. (2011) (eds) *Mobile Methods*. New York: Routledge.

Chrisinger B. A. (2016) Mixed-Method Assessment of a New Supermarket in a Food Desert: Contributions to Everyday Life and Health. *Journal of Urban Health: Bulletin of the New York Academy of Medicine*. Vol. 93(3). P. 425—437.

Crilly N., Blackwell A. F., Clarkson P. J. (2006) Graphic elicitation: using research diagrams as interview stimuli. *Qualitative research*. Vol. 6(3). P. 341—366. <https://doi.org/10.1177/1468794106065007>.

Czarniawska B. (2007) *Shadowing and Other Techniques for Doing Fieldwork in Modern Societies*. Liber, Sweden: Copenhagen Business School Press.

Czarniawska B. (2014) Why I think shadowing is the best field technique in management and organisation studies. *Qualitative Research in Organizations and Management: An International Journal*. Vol. 9(1). P. 90—93. <https://doi.org/10.1108/qrom-02-2014-1198>.

Evans J., Jones Ph. (2011) The walking interview: Methodology, mobility and place. *Applied Geography*. Vol. 1(2). P. 849—858. <https://doi.org/10.1016/j.apgeog.2010.09.005>.

Hall J. N., Freeman M. (2014) Shadowing in Formative Evaluation: Making Capacity Building Visible in a Professional Development School. *American Journal of Evaluation*. Vol. 35(4). P. 562—578. <https://doi.org/10.1177/1098214014537397>.

Kusenbach M. (2003) Street Phenomenology: The Go-Along as Ethnographic Research Tool. *Ethnography*. Vol. 4 (3). P. 449—479. <https://doi.org/10.1177/146613810343007>.

Kusenbach M. (2017) Go-alongs. In: *The SAGE Handbook of Qualitative Data Collection*. Ed. by U. Flick. London, etc.: Sage. P. 344—361. <https://doi.org/10.4135/9781526416070.n22>.

Quinlan E. (2008) Conspicuous invisibility shadowing as a data collection strategy. *Qualitative Inquiry*. Vol. 14(8). P. 1480—1499. <https://doi.org/10.1177/1077800408318318>.

Törrönen J. (2002). Semiotic theory on qualitative interviewing with stimulus texts. *Qualitative Research*. Vol. 2(3). P. 343—362. <https://doi.org/10.1177/146879410200200304>.

Wiederhold A. (2015). Conducting fieldwork at and away from home: shifting researcher positionality with mobile interviewing methods. *Qualitative Research*. Vol. 15(5). P. 600—615. <https://doi.org/10.1177/1468794114550440>.